

Экономика России: проблемы и перспективы

Об этом наш разговор с известным ученым-экономистом, доктором экономических наук, профессором Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, советником генерального директора ИФК «Солид» Сергеем Орловым – активным автором нашего журнала. С ним беседовал Ответственный редактор журнала «ВЭПС» Виктор Гуревич.

Конечно, разговор, Сергей Леонидович, хотелось бы начать с оценки современного состояния экономики России, перспектив ее развития, каково здесь Ваше мнение?

– В прошлом году экономика России приросла почти на 4 % по ВВП, что уже неплохо, конечно, до кризиса было 8 % – ни меньше, это уже хорошо в связи с тем, что вектор направлен сегодня на выход из стагнации, но плохо, что весь рост был за счет роста цен на нефть на мировых рынках, за счет наших энергоносителей, их экспорта и, увы, нет возможности экспортировать продукты инновационного направления, т.е. машиностроения, электроники и др. Очень беспокоит всех нас – экономистов социальная политика, которая тесно связана с экономическими показателями, поскольку значительно усиливается разрыв между богатыми и бедными, я имею в виду десятипроцентные группы по индексу Джени, верхние десятипроцентные группы по уровню доходов и нижние десятипроцентные. Официально – это семнадцати-восемнадцатикратный разрыв, по Москве считается 70-80 раз, по другим крупным городам тоже довольно приличная разница, и очень заметна эта разница в регионах, скажем, нефтедобывающие регионы отличаются очень сильно от республик Северного Кавказа, от Центральной черноземной зоны, т.е. там, где нет каких-то энергоресурсов. Поэтому вопрос – очень серьезный, в перспективе он может вырасти в локальные конфликты, и ситуация может выходить из под контроля, но я не думаю, что правительство это допустит, поскольку вектор взят на прирост пенсий, пусть в малых долях, наши пенсионеры это регулярно ощущают, а их где-то порядка 36-38 млн. населения.

Что касается других направлений, то вопросы инноваций, модернизации и, так сказать, около этого, в этом мы крутимся года два-три, а воз и ныне там. То ли мы привыкли сидеть на энергоносителях, то ли мы слишком запустили наше машиностроительное хозяйство, но главный прорыв, думается, должен быть в тех областях, где мы традиционно сильны: производство топлива, в том числе ядерного, производство отдельных видов вооружений, космические исследования, биотехнологии, т.е. где мы в числе мировых лидеров.

Как все-таки оптимально совместить провозглашенный у нас курс на инновацию и модернизацию с продолжающейся экспортно-сырьевой ориентацией нашей экономики?

– Видите ли, мы от этой сырьевой ориентации никуда не уйдем, это не то что наше кредо, наше предназначение, у нас такие ресурсы, у нас около 30 % мировых запасов леса, нефти, газа, полиметаллов, черных металлов, поэтому когда говорят, что от этого надо совсем уйти, то это только психологический посыл для того, чтобы мы вывернулись на 180 градусов и повернулись лицом к машиностроительному комплексу, новым технологиям. А инновации можно найти и в энергоносителях, и при производстве, транспортировке, перекачке, там инновации есть. Об этом много говорили и говорят, не только я, но и целый ряд известных ученых-экономистов.

Не могу не задать, конечно, вопроса о коррупции и борьбе с ней. Мне пришлось неоднократно участвовать во Всероссийских и Международных конференциях по этим проблемам. Так или иначе во многих решениях и рекомендациях приходили к тому, что, коррупцию, особенно в России, можно полностью искоренить. Но вот для существенного снижения её уровня необходимо: добиться полной независимости деятельности судов, реальной свободы СМИ, эффективности норм антикоррупционного законодательства, тем самым ослабив всевластие чиновничества. Параллельно необходимо изменение менталитета граждан, что потребует длительного времени. Вы согласны с этим?

– В общем-то все это правильно, да, но к этому, я бы добавил, что все это должно противодействовать в совокупности, не в отдельности. Этот процесс очень длительный, перелом произойдет тогда, когда у нас будет более высокий уровень жизни и более высокий уровень сознания, культуры, мы должны из поколения в поколение внушать, прививать такую новую культуру. За год-два мы этого не добьемся, конечно, можно применять более жесткие, сталинские меры, просто формировать боязнь, но сегодня это, конечно, не тот путь.

В связи с трагическими событиями в Японии (последствия тяжелейших стихийных бедствий,

крупнейшая авария на АЭС) сегодня многие спрашивают – повлияет ли это на экономику нашей страны?

– Мы привязаны к Японии по электронным технологиям, бытовой технике, продукции машиностроения (легковые автомобили). Мы делали для японцев то, что они запрашивали, мы не слишком много чего туда направляли, имеется в виду, что у нас туда нет прямых трубопроводов, а мы экспортируем в огромных количествах туда, где есть труба – в основном в Европу, наш рынок – это Европа, страны СНГ. Я думаю, что мы можем увеличить объемы поставок для Японии в каких-то направлениях, в том числе энергоносителей, пока на этот счет четких ориентиров нет. Попутно отмечу, что Японии будут активно помогать США, там их военные базы, а это элемент политики, что нужно учитывать.

Актуальным остается вопрос о пенсионной реформе, похоже, что мы слишком долго идем методом проб и ошибок, изменения в пенсионном законодательстве, к сожалению, не дали ожидаемого результата, озабочены и нынешние пенсионеры, и будущие. А. Кудрин неоднократно заявлял, что повышения возраста выхода на пенсию нам не избежать. Где же выход?

– Я помню, мы начинали в Татарстане проводить в жизнь формирование накопительной части пенсионных отчислений и их инвестирование (особенно в 2003-2005 гг.), но затем на этапе кризиса это отошло на второй план. Как ни крути, пенсионная реформа связана с соотношением числа работающих и пенсионеров, если эта доля критична, а сейчас она на грани критичности, ведь сегодня у нас, как минимум, 36 млн. пенсионеров, то здесь вызывают серьезную озабоченность возможности наших финансов. Сейчас это фактически компенсируется из федерального бюджета. Что сейчас сделали – увеличили страховые отчисления на 8 % – это удар по бизнесу, особенно малому и среднему, если они не будут исключены из этой жесткой системы. Вопрос очень серьезный, т.е. экономика – это ведь наши сообщающиеся сосуды: откуда мы что-то взяли (утекло), а туда это что-то притекло. Основное будет связано с соотношением, я бы сказал, с упорядочением пенсионного возраста в перспективе, ну и, конечно, мы должны больше производить и больше отчислять, т.е. должен быть более емкий, значительный объем ВВП, зарплаты в ВВП. Если у нас как сейчас ВВП будет 1,5 даже менее 1,5 трлн. долларов, т.е. в три с лишним раза меньше, чем у Японии (а население у нас по численности почти одинаковое), то ожидать существенных перемен в этом направлении не придется. Но ведь у нас громадные ресурсы, а у японцев практически ничего этого нет, страна работает на привозном сырье. Так что нужна мощная активизация производства, тогда бы вопрос о компенсациях из федерального бюджета, наверное, так остро, как сегодня, не стоял.

Насколько эффективно, на Ваш взгляд, вступление России в ВТО и так ли уж необходимо, что называется, «ломиться» в закрытую дверь?

– Вы правы, «ломиться» туда уж точно не стоит. Скажу больше, нашу страну в ВТО ждут, рынок России – огромный, а страны ЕС, если не иметь ввиду новых и бедных членов из Восточной Европы, на мой взгляд, достигли на определенное время достаточного уровня потребления. Именно поэтому многие правительства и производители с надеждой смотрят на нас, им нужен новый, устойчивый и близкий рынок сбыта, Россия как нельзя кстати подходит по всем указанным параметрам. Структура производства в странах ЕС ориентируется, в основном, на поддержку товаропроизводителей по идеологии ВТО, сформированной для открытой и давно адаптированной к рынку структуре производства в США, Канаде, Великобритании и ряде крупных стран Евразии, т.е. это товары народного потребления, комплектующие к ним, полуфабрикаты и сельхозпродукция. Есть здесь металлопродукция и некоторые другие товары, по которым мы можем составить вполне приличную конкуренцию. Однако по большинству товарных позиций, обыгрываемых через ВТО, наши производители пока уступают в конкурентном поле. Помнится, к вступлению в ВТО мы начали подходить ещё в 1993 г., но пока безрезультатно. Свою структуру производства в одночасье не модернизируешь, а сразу открыть границы, т.е. снизить ввозные пошлины и уйти от протекционистской политики, как требуют в этой организации, – это нам сейчас вряд ли подходит. Каждый год бываю на Украине, которая не первый год в ВТО, но не могу сказать, что народ там стал жить лучше, скорее, наоборот.

С нашей стороны неспешное движение к ВТО вполне объяснимо: на экспорт Россия направляет товары и услуги, не имеющие к ВТО никакого отношения, – это нефть и нефтепродукты, газ, золото, алмазы, различные виды топлива, строительство по новым технологиям атомных и гидроэлектростанций, железных дорог, наконец, вооружения и военная техника и наша гордость – космические технологии. ВТО нам скорее необходимо в плане подтверждения приверженности рынку, экономической открытости и т.д. На мой взгляд, это не только экономическая, но и политическая задача. Будет ли жить лучше после вступления в ВТО наш народ? Вот в чём вопрос. И уверен, что положительных гарантий в этом плане никто дать не может. Поэтому нужно, не выходя из процесса переговоров, максимально просчитать все возможные риски, а затем принимать взвешенное решение. Поэтому полностью поддерживаю линию моего выдающегося земляка – Премьер-министра России В.В.Путина, призывающего гордо смотреть в будущее, памятуя о своём народе и престиже великой страны.

В заключение вопрос иного толка, напрямую не связанный с экономикой. Мы оба – вузовские преподаватели, вы долгое время тоже работали в вузах Казани, а сейчас живете и работаете в Москве. Каковы они – московские студенты, скажем, в сравнении с казанскими, как Вам с ними работается?

– Сейчас я работаю в РЭУ им. Г.В. Плеханова и, по моим впечатлениям, конечно, студенты, обучающиеся на платной основе, к учебе, по сравнению с «бюджетниками» относятся серьезнее и как бы отработывают эту оплату (а оплата за учебу в вузах Москвы в несколько раз выше, чем, допустим, в Казани),

кроме того, студенты Москвы – не только москвичи, много приезжих со всей страны, из ее разных уголков, ну а в общем – студенты, можно сказать везде одинаковые.

У нас тоже есть свои особенности, проблемы, в частности, за последние годы, когда в вузы поступают по результатам ЕГЭ, уровень знаний первокурсников, мягко говоря, изменился, конечно, есть талантливые ребята, но как Вы только что заметили, в целом студент есть студент, все они похожи. Так будем их учить. Будущее – за высокообразованными людьми, хотелось бы с оптимизмом смотреть вперед.

Согласен с Вами. Спасибо!

